

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК I

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

Под редакцией
АКАДЕМИКА В. В. СТРУВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

В. Н. Горегляд

**«УДИВИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОКРУЖАЮЩИХ МОРЯХ» —
ЯПОНСКАЯ РУКОПИСЬ НАЧАЛА XIX В.**

*Доложено на заседании Восточной комиссии Географического
общества Союза ССР 10 января 1958 г.*

История русско-японских отношений от начала XVIII в., когда в Россию попали первые японцы, и вплоть до установления дипломатических связей между этими двумя государствами в общих чертах освещена в исторической литературе.

Имеется ряд книг о русских путешествиях к берегам Японии — об экспедициях А. К. Лаксмана, И. Ф. Крузенштерна, В. М. Головнина и Е. В. Путятина — на русском и западноевропейских языках, а также переводы некоторых сочинений японских авторов по этому вопросу.

Несмотря на это, европейские исследователи до сих пор испытывают явный недостаток в японских документальных материалах, могущих пролить свет на некоторые исторические факты. Введение в научный обиход таких материалов, помимо всего, помогло бы увидеть и отношение рядовых японцев к попыткам европейцев проникнуть в их страну и их первые впечатления от личного знакомства с жизнью европейских народов.

Библиотеки и хранилища рукописей в Японии и некоторых других странах располагают многими заслуживающими внимания сочинениями и документами такого характера; однако они, как правило, до последнего времени недостаточно использовались в работах европейских специалистов.

В собрании японских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР хранится несколько документов, представляющих в этом отношении несомненный научный интерес. Существование одной их части до сих пор оставалось неизвестным широким кругам исследователей, наличие другой — было известно в Японии и некоторых европейских странах, но не было зарегистрировано в других хранилищах рукописей в нашей стране.

К первым прежде всего следует отнести заметки на полях и обложках двух японских ксилографов и одной рукописи, сделанные японцем Дайкокуя Кодая, потерпевшим кораблекрушение в Тихом океане и выброшенном волнами на один из островов Алеутского архипелага.

До сих пор было принято считать, что корабль, на котором нахо-

дился Кодаю, был разбит о прибрежные скалы, а весь его груз погиб. Наличие рукописей, принадлежавших Кодаю, само по себе ставит под сомнение эту версию, а записи, сделанные на полях рукой их владельца, поднимают еще выше значение этих документов.

В числе вторых (т. е. зарегистрированных ранее) документов несомненного внимания заслуживает японская рукопись «Удивительные сведения об окружающих морях», излагающая историю японских моряков, попавших после кораблекрушения в Россию, и их впечатления о ней и о кругосветном путешествии на русском судне при возвращении на родину (1803—1804).

Нужно отметить, что на протяжении всего XVIII в. русское правительство и отдельные сибирские промышленники неоднократно посылали экспедиции к берегам Японии с целью установить торговые связи с этой страной. Все эти экспедиции, однако, оказывались безрезультатными, так как неизменно встречали упорное противодействие японского правительства, придерживавшегося политики «закрытых дверей».

Неожиданно важное, по своим последствиям, значение приобрело крушение в 1783 г. у о. Амчитка (Алеутский архипелаг, группа Крысыих островов) японского судна «Камиясу-мару». Это кораблекрушение явилось начальным звеном в той цепи событий, которая закончилась пленением в 1811 г. капитан-лейтенанта В. М. Головнина и последующим его освобождением в 1813 г.

Из экипажа судна «Камиясу-мару», разбившегося у о. Амчитка, шесть человек умерли от цинги, остальные во главе с капитаном корабля — Дайкокуя Кодаю — были переправлены сначала на Камчатку (1787 г.), а затем — в Иркутск. Здесь Кодаю познакомился с профессором химии Эриком (Кириллом) Лаксманом, который принял деятельное участие в судьбе японских моряков, желавших вернуться на родину. По плану, предложенному профессором, 13 сентября 1792 г. в Японию отправилась экспедиция с целью установить торговые отношения между Россией и Японией. На борту бригантны «Екатерина» находились и четыре японца из экипажа «Камиясу-мару». Руководитель экспедиции Адам Кириллович Лаксман в течение девяти дней вел переговоры с представителями японских властей в г. Мацумаэ (главный город о. Хоккайдо) о целях экспедиции. Результатом переговоров был письменный ответ на послание Лаксмана, содержащий отказ торговать с Россией. В этом письме, однако, был пункт, разрешающий приход одного русского корабля в порт Нагасаки в следующем, 1794 году. 4 августа 1793 г. Лаксман оставил Хоккайдо, а 21 января 1794 г. был уже в Иркутске.

Привезенные Лаксманом на родину японцы Кодаю и Исокити заявили, между прочим, следующее: «Нас поражало чрезвычайно то, что в России прекрасно знали об Японии, что там были книги с детальными описаниями страны и много общих карт Японии...»¹.

Разрешение на присылку в Нагасаки русского судна, данное Лаксману японским правительством, не было, однако, по различным причинам, использовано ни на следующий год, ни в течение нескольких ближайших лет.

Седьмого числа 11-й луны 5-го года Кансэй (9 декабря 1793 г.) судовладелец Хэйбээ с пятнадцатью матросами, на судне «Вакамия-мару» водоизмещением 800 коку² вышел из порта Исиномаки (провинция Муцу) в Эдо. На следующий день судно попало в продолжи-

¹ С. И. Новаковский, *Япония и Россия*, ч. I, Токио, 1918, стр. 65.

² Коку — японская мера объема (180,4 литра, или 0,18 м³).

тельный шторм. Мачта на нем была сломана, паруса сорваны. Потеряв управление, судно носилось по морю более 180 дней.

Десятого числа 5-й луны 6-го года Кансэй (7 июня 1794 г.) его экипаж высадился на одном из Алеутских островов, где через месяц капитан судна умер, а матросы вскоре были взяты на русский корабль и в 1795 г. попали в Охотск. В этом же году, по приказу иркутского генерал-губернатора, японцы тремя партиями были отправлены в Иркутск. Здесь они встретились с переводчиком японского языка Синдзо — крещеным японцем из экипажа «Камясу-мару» (православное его имя — Николай Петрович Коротыгин).

28 июля 1796 г. Екатерина II отдала приказ иркутскому губернатору отправить японцев на родину и еще раз попытаться установить с Японией торговые связи; однако ввиду отсутствия необходимой суммы денег в губернаторской кассе экспедиция и на этот раз не была отправлена.

На рубеже XVIII и XIX вв. большой вес в русских правительственных кругах приобрела Российско-Американская компания, пайщиком которой в 1802 г. стал и император Александр I. Компания ведала всеми русскими колониями на Курильских и Алеутских островах, на Аляске и в Калифорнии, и перед ее руководителями все более остро вставал вопрос о способах и средствах снабжения поселенцев товарами и продуктами и о способах вывоза из колоний пушнины. Под давлением этих обстоятельств возник план реорганизации пушной торговли с Китаем и транспортировки грузов в русские американские колонии морским путем вокруг мыса Горн.

Решено было отправить первую русскую кругосветную экспедицию, в число задач которой входило так же ведение переговоров с японским правительством о возможностях торговых связей между Россией и Японией. Для этой цели на основании разрешения, выданного японскими чиновниками А. К. Лаксману, с экспедицией направлялось посольство во главе с полномочным послом — Николаем Петровичем Резановым (1764—1807). Командование экспедицией и ее научными работами было поручено Ивану Федоровичу Крузенштерну.

Японские моряки с судна «Вакамия-мару» к этому времени уже восемь лет прожили в Иркутске, не видя никаких способов возвращения на родину. Они, за исключением четырех, приняли православие. Правительственного пособия не хватало, и японцы постоянно зарабатывали себе на жизнь, выполняя различного рода черную работу.

Организуя посольство Резанова, русское правительство решило, что возвращение потерпевших кораблекрушение японцев может послужить еще одним благовидным предлогом для остановки русского корабля в японском порту и завязывания переговоров. В начале 1803 г. переводчик Синдзо и 13 оставшихся к тому времени в живых членов экипажа «Вакамия-мару» по распоряжению правительства приехали в Петербург. Александр I дал им аудиенцию, во время которой справился о их желании вернуться в Японию. Четверо японцев (те, что не были крещены) с радостью согласились вернуться, а остальные заявили, что хотят остаться в России. Отъезжающие были щедро награждены, представлены Резанову и накануне отплытия перевезены в Кронштадт на «Надежду».

26 июля 1803 г. корабли первой русской кругосветной экспедиции вышли из Кронштадта и, проделав большой путь вокруг мыса Горн, в марте следующего года вышли в Тихий океан. 14 июля 1804 г. «Надежда» бросила якорь в Петропавловской гавани на Камчатке. Здесь были выгружены товары, и 27 августа корабль направился к японским берегам. 8 октября путешественники прибыли в Нагасаки, где прибыли до

18 апреля 1805 г. Японские власти в Нагасаки создали для прибывших русских жестокий, почти тюремный режим, причем японцев, привезенных Резановым, даже не выпускали на берег вплоть до отплытия «Надежды». 16 января 1805 г. один из них, Тадзюро, пытался перерезать себе горло бритвой, однако рана оказалась не опасной и его спасли.

Когда Тадзюро и его товарищи были, наконец, переданы японским властям, они были тщательно допрошены; все сведения, которые они сообщили о кораблекрушении, о дальнейшей своей судьбе и о наблюдениях, производившихся ими за время пребывания в России и кругосветного путешествия, были изложены и снабжены соответствующими рисунками в большом рукописном труде «Канкай ибун» — «Удивительные сведения об окружающих морях».

На русском языке упоминание об этом труде мы находим в книге С. И. Новаковского «Япония и Россия», где при описании покушения Тадзюро на самоубийство говорится следующее:

«Японские же чиновники, производившие расследование этого события, в своем докладе (помещен в японской книге „Канкай ибун“, т. е. „Удивительные слухи об окружающих морях“), представленном сиогунскому правительству, объяснили покушение Тадзюро на самоубийство сильным нервным расстройством, граничащим с сумасшествием, которое развилось вследствие сильной тоски по родине»³.

Более подробные сведения о рассматриваемом сочинении можно найти в примечаниях проф. Н. В. Кюнера к русскому переводу лекции проф. И. Симмура «Возникновение японо-русских сношений»⁴ и в статье В. М. Константинова «Свидетельства японцев о России XVIII века»⁵. Однако характеристика этой рукописи, представленная в указанных работах, отличается чрезвычайной краткостью и дает о ней лишь наиболее общее представление.

В книге Д. М. Позднеева приведены переводы из сочинения Окамото Рюносукэ «Хоккайдо сико» и некоторых других японских трудов, в главах X и XI — «Факты относительно заброшенных волнами японцев Сэндайского клана провинции Оосюу» и «Посольство Резанова в Японию»⁶ — описываются те же события, что и в рукописи «Удивительные сведения об окружающих морях». Правда, в этих переводах нет упоминания указанной рукописи, однако очень подробно излагается история четырех японских моряков — Цудаю, Гихээ, Сахэй и Тадзюро. История эта, судя по характеру изложения, была почерпнута автором «Хоккайдо сико» именно из рукописи «Канкай ибун». Об этом будет идти речь ниже.

Прямых ссылок на нашу рукопись в работах других русских исследователей мы не находим. Среди японских справочников, содержащих сведения о ней⁷, нужно отметить работу Самура Хатири «Анализ и названия отечественных рукописей», где приведены две справки.

Первая из них касается самой рукописи: «環海異聞. Рукопись, 16 маки⁸, Оцуки Сигэтака (大槻茂質)⁹. Рукопись, описывающая двенадцатилетние личные впечатления четверых сэндайских моряков —

³ С. И. Новаковский, *Япония и Россия*, ч. I, стр. 87.

⁴ «Известия Восточного института», Владивосток, 1916, т. 31, вып. 2, стр. 63.

⁵ «Советское востоковедение», 1958, № 2, стр. 79—80.

⁶ Дмитрий Позднеев, *Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России*, т. II, ч. 2, Иокогама, 1909, стр. 88—127.

⁷ Мы не касаемся здесь японских и европейских каталогов, в которых зарегистрирована эта рукопись, поскольку они не дают ее описания.

⁸ Маки — свиток, тетрадь, книга.

⁹ В упоминавшихся уже работах Н. В. Кюнера и В. М. Константинова имя «Сигэтака» прочтено как «Мосицу» однако это чтение не верно (см.: 新村出, 廣辭苑 Tokyo, 1955, 266).

Цудаю, Гихэй, Сахэйда и Тадзюро, которые зимой пятого года Кансэй¹⁰ были застигнуты бурей в море Осю Иваки и, достигнув, в конце концов, после дрейфа, Русской земли, жили в той земле до второго года Бунка¹¹ и по прошествии 12 лет, наконец, вернулись на родину.

По случаю их возвращения, согласно приказанию муцуского даймё¹², два его подданных — Оцуки Сигэтака и Симура Кокё — со слов [моряков] описали все это от начала до конца.

Безусловно, является наиболее достоверной и подробной среди записок дрейфовавших [моряков]¹³.

Вторая справка дает сведения о составителе рукописи:

«Оцуки Сигэтака — родом из Сэндай, конфуцианское прозвище — Сикан, прозвище — Гэнтаку, литературный псевдоним — Бансуй. С 13 лет Сигэтака изучал медицину у Татэбэ Сэян, уехав в Эдо, учился голландской медицине у Сугита Гэмпакю. Отправившись затем на Кюсю, совершенствовался в изучении голландских наук у Маэно Есидзава. С шестого года Тэммэй¹⁴ служил лейб-медиком сэндайского даймё, начиная с восьмого года Бунка¹⁵, по приказу бакуфу¹⁶ переводил голландские книги. Бакуфу в вознаграждение за этот труд выплачивало ему пятикратное жалованье. С девятого года Бунка был повышен в должности с увеличением оклада. Количество его сочинений превышает 300. Умер в возрасте 71 года¹⁷ в десятом году Бунсэй»¹⁸.

Таким образом, история написания рукописи освещена здесь достаточно ясно. Не указан лишь год ее составления. Однако в списке этой рукописи, хранящемся в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР, в нескольких местах встречается датировка — 1807 год, — указывающая, по-видимому, на время составления оригинала. Указаны и имена составителей — те же, что и в цитированном справочнике.

Наш список «Канкай ибун» (С-191, инв. № 362) состоит из 16 маши — 421 лист; 26,6' × 18,4 см. Язык — японский, скоропись, хэнтаигана. В японской обложке из плотной бумаги. Обложка бледно-желтая с коричневыми пятнами, в левой части лицевой ее стороны — наклейка с названием рукописи и номером тетради (на восьми первых тетрадях наклейка желтая, на восьми вторых — светлоричневая. Начиная с девятой, тетради нумерованы сначала — от 1 до 8-й); в правом верхнем углу на каждой тетради имеется наклейка Азиатского музея. В левых верхних углах лицевых сторон обложек и первых страниц каждой тетради — оттиск печати с надписью: 在魯西亞國日本帝國公使館藏書。 — «Библиотека посольства Японской империи в России».

СОДЕРЖАНИЕ РУКОПИСИ

1-я тетрадь. Начинается с введения, где говорится, что зимой пятого года Кансэй (1793) сэндайские моряки, нагрузив на корабль рис для продажи, 27-го числа 11-й луны направились в Эдо. По пути их

¹⁰ Пятый год Кансэй — 1793 г. по европейскому летосчислению.

¹¹ Второй год Бунка — 1805 г.

¹² Муцу — название провинции. Даймё — крупный феодал; второй из пяти дворянских рангов в Японии.

¹³ 佐村八郎, 増訂國書解題 ○ т. 1, Токио, 1931, стр. 545 (Самура Хатино, *Дзотэй Кокусё кайдай*).

¹⁴ Шестой год Тэммэй — 1786 г.

¹⁵ Восьмой год Бунка — 1811 г.

¹⁶ Бакуфу — военно-феодалное правительство Японии до 1868 г.

¹⁷ В возраст человека японцы включают «утробный год». Годы жизни Оцуки Сигэтака 1757—1827. Второй составитель, Симура Коке, по прозвищу Токудзи, — ученый-конфуцианец, происходил из семьи известного сэндайского конфуцианца Симура Годзе. Годы жизни не известны.

¹⁸ Самура Хатино, *Дзотэй Кокусё кайдай*, т. 2, стр. 2000.

застал шторм, корабль был поврежден и они после многодневного дрейфа оказались на русских островах «Онтэрэцукэ»¹⁹ (Андреяновские?). Далее кратко излагается история их путешествия в Охотск, оттуда — через Якутск в Иркутск, затем — в Петербург и, наконец, состоявшегося в 1803 г. (второй год Кёва) обратного путешествия в Нагасаки.

В этой же тетради коротко рассказывается об истории написания рукописи, даются некоторые сведения из географии, как-то: перечисление частей света и расположенных в каждой из них государствах. Названия государств приводятся русские (в японской транскрипции), иногда — японские.

Здесь же характеризуется международное положение России, или «Мосукобии», с кратким экскурсом в ее историю. С 26-го листа снова начинается изложение истории потерпевших кораблекрушение японцев — пишется о том, как они с Андреяновских (?) островов попали на о. «Нацука» (Юнаска?), откуда на русском корабле были перевезены в Охотск и впоследствии санным путем — в Иркутск, приводятся сведения о происхождении русского письма, образцы «русских букв». В конце главы стоит дата (четвертый год Бунка) и подписи составителей. Вводная часть сочинения заканчивается общим оглавлением всей рукописи.

Вторая половина первой тетради занята подробным описанием географического положения, истории, народонаселения, флоры, фауны, быта и т. д. Андреяновских (?) островов и о-ва Юнаска (?).

Тетрадь содержит четыре цветных иллюстрации: листы 3б—4а — карта мира с изображением маршрута путешествия Крузенштерна; лист 55а — изображение пещерных жилищ на Андреяновских (?) островах и того, как островитяне входят в свои землянки; листы 55б—56а — рисунок морского котика с сопроводительной надписью, в которой указываются места его распространения; лист 60а — изображение птицы, названной «птица окутиё» (?). Особенный интерес представляют первые две: карта дает представление о европейском влиянии на японскую географическую науку того времени, а изображение алеутов интересно с этнографической стороны.

2-я тетрадь. Продолжение описания острова Юнаска (?), причем, основной упор сделан на этнографические данные. Приведено детальное описание одежды, украшений, орудий охоты, рода занятий, пищи и т. п. коренного населения острова — алеутов, а также жилищ и быта русских поселенцев. В этой тетради рассказывается о способах сообщения между Алеутскими островами и материком, о предметах ввоза и вывоза, о промысловых животных района Юнаска (?) и способах их добычи. Много места отведено характеристике алеутских надувных кожаных лодок, на которых островитяне уплывают далеко в море.

Вторую половину тетради занимает описание путешествия японцев с Юнаска (?) на Амчитку, в «порт Камчатку» и в Охотск с указанием расстояний между этими пунктами и описанием условий навигации; определяется положение русских тихоокеанских владений относительно Японии и Кореи. Тетрадь заканчивается характеристикой наблюдений моряков на Камчатке, в Охотске и по дороге через Якутию «в течение 37—38 дней вдоль берега большой реки» в Иркутск, рассказом о занятиях и образе жизни аборигенного и русского населения Якутии.

Эта тетрадь снабжена богатым иллюстративным материалом: лист

¹⁹ Транскрипция знаков катакана, которыми переданы в рукописи иностранные слова, осуществляется здесь с учетом ошибок, сделанных переписчиком, с добавлением в необходимых случаях «нигори».

3а — изображение островитян — мужчины, женщины и девочки; лист 3б — рисунок мужской головы в головном уборе и рисунок головного убора алеутов; лист 4а — изображение женских украшений, вдеваемых в нос и уши; листы 4б—5а — изображение сивуча; листы 5б, 6а — изображение охоты алеутов в двухместной кожаной надувной лодке на крупную рыбу; лист 6б — рисунок двухместной и трехместной надувных алеутских лодок без пассажиров; лист 7а — изображение копий (гарпунов?) и одежды алеутов; листы 7б—8а — изображение жилища русских на Юнаска (?); лист 8б — изображение православного креста; листы 13б—14а — изображение ледяных гор и русского корабля среди них; лист 15б — жилой дом в Охотске; листы 16б—17а — изображение жителя побережья Охотского моря, перевозящего дрова на нартах, запряженных собаками; лист 21б — навьюченная лошадь; лист 22 а — два якута в национальных одеждах, верхом на лошадях; лист 24а — изображение жилища с оконными отверстиями, заделанными льдом вместо стекла.

3-я тетрадь. Девять начальных листов заняты описанием судьбы путешественников во время их переезда из Охотска в Иркутск, причем на листах 4б—5а приводятся имена всех оставшихся в живых 15 моряков, дается характеристика географических особенностей районов путешествия, их флоры, фауны и т. д.

Далее начинается глава «Иркутск», где сообщается о том, что в восьмом году Кансэй (1796) японцы тремя партиями (по пять человек в каждой) прибыли в Иркутск, где встретились с переводчиком Туголуковым и учителем японского языка иркутской школы переводчиков Николаем Петровичем Коротыгиным. Приводится характеристика их обоих и сведения об Иркутской школе японского языка. Коротыгин (Синдзо) имел сына 12—13 лет, самому же ему было года 42—43.

Далее следует описание русской избы и ее внутренних частей и детальная характеристика русской бани с указанием на то, что моются в ней накануне праздника или воскресенья.

В тексте помещено несколько рисунков, иллюстрирующих рассказ: листы 5б—6а — крытая санная кибитка с ямщиком на облучке, с четверкой лошадей; лист 8а — рисунок сетки, употребляемой в Сибири для защиты лица от мошкар; лист 24а — схематическое изображение русской печи в разрезе (вид сверху); лист 24б — вид русской печи со стороны чела; лист 25а — цветные рисунки кресел; лист 28а — изображение бани (вид снаружи); листы 28б—29а — внутренний вид бани.

4-я тетрадь. Начинается разделом «Пища и питье»; несколько страниц текста посвящено описанию того, как замешивается тесто и выпекается хлеб, рассказу о варке каши, супа и других блюд. Сюда же входит характеристика картофеля, овощей, кофе и т. д. Сообщается, что русские едят по три раза в день. Японцы замечают, что русские употребляют в пищу коровье молоко, варят на нем различные кушанья; якуты же и буряты предпочитают кобылье молоко, а тунгусы — оленье. Раздел заключается описанием и рисунками (в тексте) столовой посуды и кухонных принадлежностей: лист 10б — рисунки горшка и ухвата; лист 11а — изображение ложки, вилки и ножа.

Второй раздел тетради рассказывает об одежде русских, начиная с тулупа и кончая нижним бельем, о различных видах обуви и головных уборах, указывается материал, из которого они изготовляются, и времена года, когда их носят. В конце тетради приведены рисунки, относящиеся ко второму разделу: лист 15б — картуз; лист 16а — ночной колпак; листы 16б—17а — рубашка и камзол, по два рисунка каждого предмета (вид спереди и сзади); листы 17б—18а — жилет с глухим воротником (вид спереди и сзади), листы 18б—19а — штаны, также два

изображения; лист 19б — чулок и кушак; лист 20а — полотенце; лист 20б — одеяло.

5-я тетрадь. Первая половина ее посвящена характеристике религии русских — дано описание внешнего и внутреннего вида православной церкви и религиозных обрядов. Прежде всего сообщается, что храм по-русски называется церковью, что во главе семи (?) церковей стоит архиерей и что большой храм называется собором. Указано, что храмы строятся из камня. Перечисляются церковные праздники, а также русские мужские и женские имена; здесь же дано пояснение, что имена русским даются по именам святых.

Вслед за этим разделом следует рассказ о русской системе счисления времени с приведением таблицы русских порядковых числительных в японской транскрипции.

Далее, на примере крещения Синдзо, объясняется, как дается человеку имя, отчество и фамилия. Много места отведено вопросу рождения и воспитания детей. Последний раздел этой тетради посвящен принятым в России обрядам бракосочетания. Подробно описаны обычаи сватовства, венчание и свадебное пиршество.

Иллюстрации в тексте тетради: лист 4б — колокольня; лист 5а — звонарь у колоколов; лист 7а — внешний вид церкви; листы 7б—8а — внутренний вид церкви; лист 10б — карусель; лист 11б — архиерейская митра.

6-я тетрадь. В начале описываются обряды, совершаемые по случаю смерти, — заупокойная служба, захоронение и отпевание покойников, поминальная служба в храме.

С 5-го листа тетради начинается новая тема — правительственные учреждения, названия рангов чиновников, профессий, характеристика военной подготовки солдат. Здесь же описываются казачьи части Иркутска и военные силы местного гарнизона. Указано, что солдаты в городе расквартированы в казармах и численность их равняется 1800 человек. На 14—15-м листах приведен перечень русских воинских званий.

В следующем небольшом разделе (листы 18—20) описывается система наказаний в России.

В конце тетради (листы 21—24) имеется раздел нумизматики, включающий в себя краткое вступление, таблицу русских монет с их характеристикой и несколькими рисунками. Последний 25-й лист тетради посвящен характеристике русских бумажных денег — ассигнаций.

Рисунки, помещенные в тетради: листы 7б—8а — казачий караул; лист 10б — рисунок брандспойта; лист 24а — изображения русских монет царствования Екатерины II.

7-я тетрадь. Начальный раздел посвящен рассмотрению русских мер длины и веса и переводу их на японские эквиваленты.

После этого рассматриваются русские музыкальные инструменты, причем названия большинства из них переведены названиями сходных с ними японских инструментов, например, *笛 тотика* (дудочка) и т. п. Далее авторы уделяют внимание характеристике промысловых рыб Сибири, указывая, по возможности, водоемы, где водятся те или иные их виды; описанию насекомых, птиц, зверей (много места уделено соболу) и домашних животных. Перечислены и охарактеризованы деревья, растущие в сибирских лесах. Около полутора листов занято описанием злаков, овощей и фруктов с указанием времени их созревания.

Затем следует характеристика торговли, медицинского обслуживания населения и перечисление продуктов ремесла, выпускаемых в Сибири. Последние пять листов отведены для описания нравов и обычаев всех народов, с которыми моряки встречались за время путешествия.

В тексте тетради приводятся следующие изображения: лист 4б — безмен; лист 6а — балалайка (на рисунке, однако, изображен инструмент, скорее похожий на гусли); лист 6б — дудка, скрипка, балалайка; лист 12б — соболь.

8-я тетрадь. Представляет собой японо-русский словарь, составленный по тематическому признаку и включающий следующие разделы:

1) *небо* — в этот раздел входят слова, представляющие самые различные понятия: солнце, звезда, жарко, мокро, экватор и т. д.;

2) *земля* — сюда также входит лексика самого разнообразного характера — от слов, обозначающих общие понятия, до слов, охватывающих различные области хозяйства: земля, город, огород, колодец, золото и другие;

3) *названия стран и общепринятые наименования основных государств* — первые два листа этого раздела посвящены имеющимся у русских представлениям о Китае, затем следует перечень русских названий различных морей, стран, городов и т. д., которым в тексте соответствует японский перевод (часто — калька);

4) *время* — в этот раздел входят слова, обозначающие такие понятия, как год, месяц, час, утро, послезавтра, нынче и т. п.;

5) *названия месяцев* — простое перечисление названий двенадцати японских лун с приведением параллельных названий русских месяцев, иногда указывается также количество дней в русском месяце;

6) *названия профессий, степени родства и другая лексика, относящаяся к человеку*;

7) *названия частей тела*;

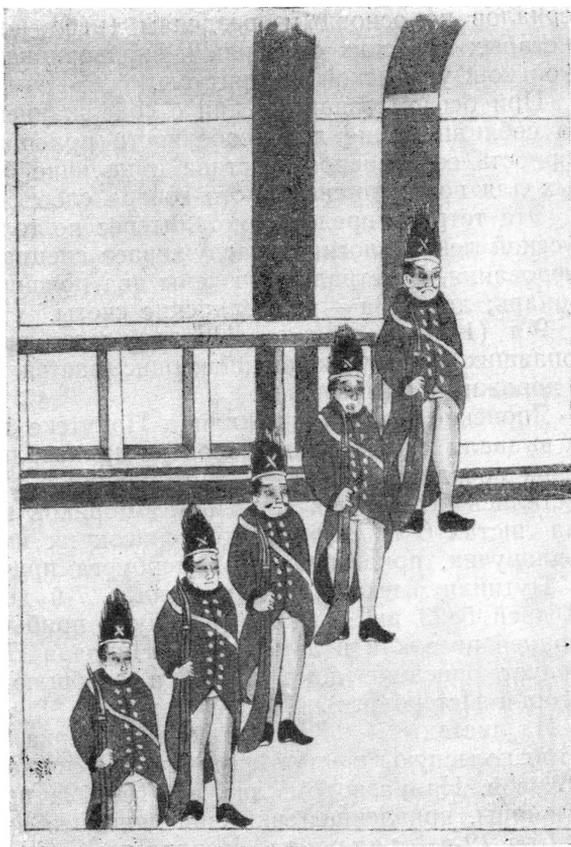
8) *названия частей избы и различных строений*;

9) *мебель, посуда, инструменты, утварь и т. п.*;

10) *одежда, предметы питания, наиболее употребительные глаголы, прилагательные и т. д.*

Вслед за этим разделом помещено краткое резюме, заключающее тетрадь в целом.

Следует отметить, что внутри каждой темы слова размещены безо всякого видимого порядка. Расположение же самих тем относительно друг друга напоминает один из принципов размещения справочных ма-

КАЗАЧИЙ КАРАУЛ (фрагмент)

териалов по основным разделам (небо — земля — человек), принятый в старых японских словарях и справочниках и идущий из древнекитайской конфуцианской литературы.

При беглом ознакомлении с содержанием данной тетради обращают на себя внимание две особенности приводимой в ней лексики: разговорность ее основного состава и наличие большого процента характерных для восточно-сибирского говора слов («заплот», «сопка» и др.).

Эта тетрадь представляет интерес не только для японской, но и для русской лексикологии и заслуживает специального лингвистического исследования. В тетрадь включены два пояснительных рисунка: лист 12а — фонарь; лист 13а — канцелярские счеты.

9-я (1-я) тетрадь. Продолжается рассказ о дальнейшей судьбе попавших в Иркутск японцев, описывается их путешествие в Петербург и дорожные впечатления.

Японские моряки прожили в Иркутске восемь лет. Однажды утром их вызвали к начальнику города и приказали собираться в дорогу. Вскоре их посадили в кибитки и отправили в сторону Красноярска. В путь пустились переводчик Синдзо, 13 моряков из экипажа «Вакамия-мару» (на листах 6 и 7 приводится список их имен) и сопровождающий их подпоручик, привезший из Петербурга приказ о выезде.

Путники выехали из Иркутска в 7-й день 3-й луны и, проехав за 48 дней 5823 ри²⁰, уже в 4-ю луну прибыли в Петербург. В столице японцев поселили в доме графа Николая Петровича Румянцева. Далее следует описание дома графа и сообщаются некоторые сведения из истории Петербурга и Кронштадта.

На листах 8б—9а изображена шестерка лошадей цугом, впряженная в трехколесную крытую повозку с ямщиком на облучке, впереди — верховой. На развороте листов 11б—12а приводится рисунок ветряной мельницы, привлечшей внимание японцев во время их путешествия.

10-я (2-я) тетрадь. Начинается с описания аудиенции у императора Александра I, состоявшейся в 16-й день 5-й луны. Перед аудиенцией японцам сшили национальные платья и они сделали себе соответствующие прически. На приеме присутствовали также императрица, великий князь Константин Павлович и граф Румянцев. Церемония приема и костюм императора описаны весьма подробно. Японцев спросили, не желают ли они вернуться на родину. Четверо японцев, не обращенных в православие, с радостью согласились, остальные же пожелали остаться в России. Император щедро наградил четверых пожелавших вернуться на родину моряков и приказал до отплытия в Японию показывать им столичные достопримечательности, что и исполнялось в течение 23-х дней. На другой день после аудиенции японцы присутствовали при подъеме воздушного шара, состоявшемся на одном из островов р. Невы. При большом стечении народа и в присутствии императорской семьи шар поднялся в воздух с людьми, находившимися в гондоле, и пролетел около 2 ри²⁰ после чего опустился на землю. Описывается костюм людей, находившихся в гондоле и реакция зрителей на полет шара.

Вторая половина тетради посвящена описанию петербургских дворцов и ознакомлению читателей с некоторыми моментами истории России и ее внешнеполитических связей.

Рисунки, помещенные в тетради: листы 7б—8а — портреты русского императора и императрицы; лист 9б — подъем воздушного шара (в гондоле изображены сидящие мужчина и женщина, шар удерживают при помощи веревок семь человек); листы 11б—12а — наблюдение за поле-

²⁰ Ри — японская мера длины (3,997 км).

том воздушного шара: листы 226 — 23а — внешний вид части здания; лист 23б — наблюдение за ночным небом с балкона.

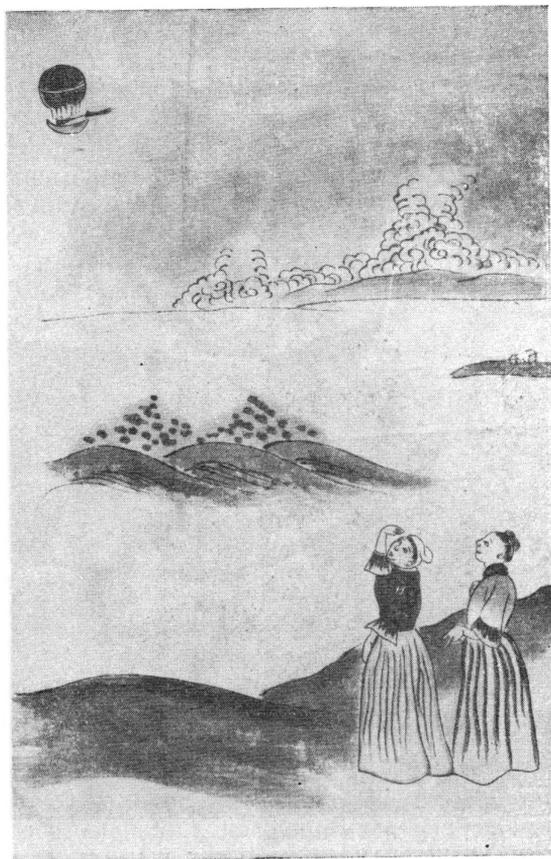
11-я (3-я) тетрадь. Продолжение описания достопримечательностей Петербурга и Царского Села. Особое место уделено рассказу о посещении оранжереи, характеристике отдельных растений и ухода за ними. Затем следует изложение разных впечатлений от знакомства с Петербургом и его окрестностями: рассказ о посещении «в конце 5-й луны» императорского театра, рассказ об истории создания и внешнее описание памятника Петру I — «Медного всадника», впечатление от посещения Александро-Невской лавры.

В 11-й день 6-й луны граф прислал к японцам слугу с сообщением о том, что в Японию отправляется корабль с посольством, на котором четверо японцев будут доставлены на родину. Их представили послу Резанову и на следующий день, простившись с остающимися соотечественниками, японцы сели в маленькие лодки и поплыли в Кронштадт.

Здесь же приводится описание морских крепостей, расположенных неподалеку от Петербурга, после чего продолжается изложение событий, предшествовавших отплытию из Кронштадта: прибытие на корабль, где находился Резанов, получение от него царских подарков (каждый японец получил часы и 20 золотых монет), а также расставание с переводчиком и тремя слугами из дома графа.

Рисунки: лист 3б — вид части Петербурга сверху со стороны набережной; листы 4б—5б — внешний вид оранжереи; листы 5б, 6б — 7а и 8а — рисунки растений из оранжереи; листы 11б—12а — изображение столичного театра; лист 16а — памятник Петру I в Петербурге; листы 20б—21а — изображение накрытого стола, за которым сидят четверо русских; на столе стоит шут; листы 23б—24а — вид с берега на форты и рейд Кронштадта.

12-я (4-я) тетрадь. 16-го числа 6-й луны, говорится в тетради, корабль вышел в плавание и 4-го числа 7-й луны остановился в датском городе Копенгагене. Когда корабль, носивший название «Надежда», снова вышел в море, 2-го числа 8-й луны он встретился с другим кораблем, который выстрелил по русскому кораблю. Русский капитан взял рупор и спросил, что это за корабль и по какой причине он стреляет.

ПОЛЕТ ВОЗДУШНОГО ШАРА В ПЕТЕРБУРГЕ (фрагмент)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПАМЯТНИКА ПЕТРУ I НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ В ПЕТЕРБУРГЕ

фауны Бразилии и обычаев ее населения. Тетрадь заканчивается рассказом об отплытии из Бразилии и о выходе судна в Тихий океан вокруг мыса Горн. Рисунки в тексте тетради: лист 156 — изображение плода; лист 166 — черепаха; лист 186 — крокодил.

13-я (5-я) тетрадь. Начинается с описания прибытия корабля на Маркизские острова. На берегу путешественники увидели трех или четырех совершенно обнаженных мужчин и женщин. Вскоре судно оказалось окруженным туземцами.

Далее следует описание внешнего вида и обычаев островитян. На следующий день, продолжают авторы, у корабля собрались 200—300 туземцев, предлагавших русским начать торговлю.

Следующие несколько листов рукописи отведены описанию пребывания «Надежды» у берегов Маркизских островов. Затем рассказывается о прибытии путешественников на Сандвичевы острова. После описания островов и их жителей повествуется о следовании к берегам Камчатки, где корабль бросил якорь в Петропавловской гавани. В рукописи отмечается, что домов здесь всего 27—28, кроме того, имеется крепость, которой командует майор. Следует общее описание порта и характеристика его гарнизона и вооружения.

Пятого числа 8-й луны судно покинуло Камчатку и направилось в сторону Японии с намерением войти в порт Нагасаки. В открытом море «Надежда» попала в сильный шторм, но 28-го числа 8-й луны она благополучно достигла берегов провинции Сацума.

Последовал ответ, что корабль — английский. В свою очередь с английского корабля запросили, кому принадлежит наше судно. Капитан сообщил, что это русский корабль, направляющийся в Японию. Англичане попросили прощения, сказав, что ошиблись и приняли судно за французское.

Далее сообщается о посещении Англии, об англо-французской войне, о последовавшем затем прибытии русского корабля на Канарские острова, о погрузке провианта на судно и о пересечении экватора во время дальнейшего путешествия.

С Канарских островов корабль направились к Южной Америке, у берегов которой бросили якорь в порту Санта-Катарина, принадлежащем Португалии.

Несколько страниц посвящено описанию порта Санта-Катарина, флоры и

Иллюстрации, имеющиеся в тетради: лист 5б — изображение жителей (мужчина и женщина) Маркизовских островов; листы 6б—7а — изображение лодки с островитянами; лист 10б — изображение туземцев (мужчина и женщина) Сандвичевых островов; листы 14б—15а — вид на Петропавловский рейд с кораблями, видны береговые батареи.

14-я (6-я) тетрадь. 6-го числа 9-й луны русское судно подошло к мысу Иосаки около гавани Нагасаки. Здесь оно было встречено японскими чиновниками. Далее рассказывается о входе в гавань и о переговорах русского посла с нагасакскими чиновниками. Приводятся имена четверых привезенных на русском корабле японцев: Цудаю (津太夫), возраст 61 год; Гихэй (儀平), 43 года; Сахэй (左平), 41 год; Тадзюро (太十郎), 34 года. (В 3-й тетради вместо 儀平 значится 儀兵衛 (Гихэй), а в 9-й тетради — так же, как и здесь — 儀平.)

Губернаторы Нагасаки [их было двое. — В. Г.] послали в Эдо уведомление о прибытии русского посольства и запрос относительно переговоров с ним. 20-го числа 2-й луны первого года Бунка²¹ из Эдо выехал чиновник, прибывший в Нагасаки в начале (6 или 7-го числа) 3-й луны того же года. Вслед за этим начались переговоры Резанова с представителями японских властей.

В тетради подробно излагается ход переговоров японских уполномоченных с русским послом при участии голландцев с острова Дэсима.

Тетрадь богато иллюстрирована цветными рисунками: листы 10а—10б — изображение плана бухты Нагасаки с указанием пути следования и места якорной стоянки «Надежды» и наиболее примечательных мест на берегу; лист 11а — русские военно-морские флаги; листы 11б—12а, 12б—13а — изображение стоянки русского корабля в Нагасакской гавани в окружении японских судов из разных провинций (у каждого судна проставлено название местности, откуда оно прибыло); лист 15а — изображение части огороженного забором помещения на берегу, в котором жили во время переговоров члены посольства и русские офицеры; лист 18б — портрет Резанова с объяснениями, касающимися назначения различных частей его мундира, материала, из которого они сделаны и т. п.; лист 19а — портрет лейтенанта Ратманова; лист 19б — рисунок, изображающий русского солдата (вид спереди); лист 20а — рисунок, изображающий русского солдата (вид сзади); лист 20б — рисунки головных уборов у русских.

15-я (17-я) тетрадь. В этой тетради, как указано в самом ее названии — «Смесь» (雜事), сообщаются самые различные сведения. Прежде всего указывается, что Андреяновские (?) острова были подчинены России Шелеховым, который родился в Москве, а умер в Иркутске в возрасте 62—63 лет. Далее излагается история присоединения острова Юнаска (?) и дальнейшая судьба Шелехова. В связи с этим говорится и о географическом положении Иркутска, описываются тунгусские и бурятские племена. Здесь же приводятся и сведения об Адаме Лаксмани.

Затем следует характеристика различных государств, мимо которых проходили корабли экспедиции Крузенштерна, указание на их географическое положение и другие сведения. Описывая разные страны, авторы перечисляют и народы, живущие в них.

Тетрадь заканчивается описанием разных наблюдений, произведенных японскими моряками во время их пребывания в Сибири.

Имеющиеся в тетради рисунки: лист 5б — схематическая карта Прибайкалья; листы 16б—17а — изображение переправы через речку (пролив?) на пароме.

²¹ Первый год Бунка — 1804 г.

ПОРТРЕТ РУССКОГО ПОСЛА Н. П. РЕЗАНОВА
С ОПИСАНИЕМ ЧАСТЕЙ ОДЕЖДЫ

16-я (8-я) тетрадь. В первой половине ее продолжается рассказ о виденных в России диковинках, затем авторы снова возвращаются к описанию русской кругосветной экспедиции. Подробно объясняется устройство русских кораблей, характеризуется их оснастка и рассказывается о назначении различных судовых приборов и снастей. Далее приводятся сведения об экипаже «Надежды» и пассажирах.

Вслед за этим, продолжая изложение истории пребывания Резанова в Нагасаки, авторы приводят текст письма русского царя японскому императору²², которое было вручено Резановым в 9-ю луну первого года правления Бунка. Содержание этого письма почти дословно совпадает с переводом его, помещенным в упоминавшемся уже выше труде Д. М. Позднеева²³.

Рукопись заканчивается описанием неудачного окончания миссии Резанова и отплытия «Надежды» из Нагасаки.

В последней тетради имеются два рисунка: листы 76—

8а — схематическое изображение русского корабля под парусами; листы 106—11а—водяная мельница.

* * *

Ознакомление с материалами, в какой-либо степени касающимися содержания рассматриваемой здесь рукописи, и сопоставление их с текстом последней дают основание предположить, что рукопись «Удивительные сведения об окружающих морях» существует по крайней мере в двух списках.

При сравнении содержания перевода Д. М. Позднеева со сведениями, сообщаемыми справочником «Кокусе кайдай», обращают на себя внимание расхождения в написании имен двух японских моряков из числа четверых, привезенных Резановым в Нагасаки:

у Д. М. Позднеева
儀兵衛 (Гихээ)
左平 (Сахэй)

в справочнике
儀平 (Гихэй)
左平太 (Сахэйда)

В нашем списке рукописи «Удивительные сведения об окружающих морях» в двух случаях из трех (тетради 9 и 14-я), когда перечисляются

²² Фактически — сёгуну (главе японского военно-феодалного правительства до 1868 г.), которого в России называли светским императором Японии.

²³ Димитрий Позднеев, *Материалы по истории Северной Японии...*, т. II, ч. 2, стр. 111—113.

имена всех членов экипажа «Вакамия-мару», первое из названных выше имен записано 儀平 и в одном случае (тетрадь 3-я) — 儀兵衛. Таким образом, различные варианты написания одного и того же имени могут встретиться не только в разных источниках, но и в разных местах одного списка рукописи. (Это подтверждается и рядом других примеров из нашего списка.) За краткостью сведений, сообщаемых справочником «Кокусе кайдай», на основании одних только разночтений имен, нельзя судить о неидентичности описанного там списка рукописи и списка, хранящегося в Институте Востоковедения АН СССР и об аутентичности этого последнего. Однако книга Д. М. Позднеева дает более богатые материалы для сравнения.

Сопоставляя опубликованные в ней материалы с рассматриваемым в настоящей статье списком «Канкай ибун», мы отмечаем целый ряд расхождений не только в написании имен собственных, но и в расположении материала, в освещении ряда фактов, в датировке многих событий и, наконец, в самом объеме и тематике приведенного материала. Работа Д. М. Позднеева и помещенные в ней переводы японских источников касаются, как правило, только истории русско-японских связей. Наша же рукопись дает большое количество материалов по быту, языку, религии русского народа, по географии, политическому устройству, этнографии многих других стран и т. п. В самом начале 10-й главы у Д. М. Позднеева указано, что судно «Вакамия-мару» вышло в Эдо с грузом леса и риса для Сэндайского князя²⁴, а наша рукопись говорит, что судно было гружено рисом для продажи (тетрадь 1-я, лист 1а). В 12-й тетради «Канкай ибун» указано, что русские корабли, выйдя из Кронштадта, остановились в датском городе Копенгагене; Д. Позднеев же с удивлением обнаруживает, что автор переводимого им сочинения поместил «Копенгаген ちつべんは一けん в Голландии和蘭 (sic!)...»²⁵ и т. д.

Вместе с тем на основании анализа сведений, приведенных в сочинении Окамото Рюносукэ (цитируемом в данном случае Д. М. Позднеевым), можно предположить, что они взяты из рукописи «Канкай ибун» или по крайней мере из источника, базирующегося на ней.

Об этом говорят факты наличия многих общих мест в двух этих сочинениях; иногда даже совпадают или очень похожи (даже по лексике) большие отрывки текстов. Например, описание отплытия из Петербурга (тетрадь 11-я)²⁶, сведения о Шелехове (тетрадь 15-я)²⁷ и т. д.

Совокупность всех этих фактов позволяет нам высказать предположение о том, что сочинение Окамото Рюносукэ базировалось на списке рукописи «Канкай ибун», не идентичном рассмотренному в настоящей статье.

Что касается времени и места переписки нашего экземпляра рукописи, то по этому поводу можно высказать следующие соображения:

1) Рукопись не является оригиналом, записанным Оцуки и Симура; между нею и первоначальной записью можно было бы, вероятно, выделить несколько списков, выполненных разными переписчиками. Свидетельством этому служит обилие знаков «катакана», не понятых переписчиком и записанных так, как ему казалось наиболее правдоподобным, вследствие чего при транскрибировании русских слов часто смешивались знаки シ, ソ и レ; знак チ со знаком ナ; знак コ со знаком ム и т. д. (например カ, ナリナ вместо カ, チリナ и др.).

²⁴ Там же, стр. 91.

²⁵ Там же, стр. 99.

²⁶ Там же, стр. 98.

²⁷ Там же, стр. 92.

2) Переписчик не знал русского языка, поэтому, мало вероятно, чтобы рукопись была переписана в японском посольстве в Петербурге (что можно было бы предположить, исходя из библиотечной печати на обложках и первых листах всех тетрадей).

3) Рукопись, по всей вероятности, не была переписана специально для посольства; в пользу этого предположения говорит небрежность переписчика. Рукопись, как нам представляется, была приобретена одним из сотрудников посольства частным образом перед отправлением в Россию, как один из самых авторитетных японских источников об этой стране.

4) Наибольший интерес к России появился в Японии в 50-х годах прошлого века после экспедиции адмирала Е. В. Путятина, поэтому можно предположить, что настоящий экземпляр рукописи «Удивительные сведения об окружающих морях» был переписан именно в это время (до отправления первого японского посольства в Россию).

Наличие разных вариантов рукописи поднимает интерес к ее списку, хранящемуся в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР, и диктует необходимость приложить усилия для выяснения наличия других ее вариантов (буде это представится возможным) и сравнения их с имеющимся уже в нашем распоряжении списком. Возможно, в этом направлении кое-что даст критический анализ текста того экземпляра «Канкай ибун», который был приобретен проф. Е. Г. Спальвиным в Киото и хранится ныне в библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

В целом рукопись «Удивительные сведения об окружающих морях» является интересным документом как с точки зрения истории русско-японских отношений, так и потому, что она характеризует общий культурный уровень японцев того времени, их познания в географии и показывает, как воспринималась ими не знакомая им русская жизнь, быт, культура и т. д. Рукопись дает также новые материалы для лингвистических исследований, как один из первых японо-русских словарей (тетрадь 8-я).

Первым этапом работы советских японоведов над этой рукописью должен стать полный ее перевод на русский язык.
